Д5
400
К18

Н. Каменский

Герои
Крюгов

1914 г.

49651
XV, II.

Николай Каменскій.

Герой Крючковъ.

МОСКВА.
Типо-Лит. В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., с. д
1914.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
506195

Тихое и ясное іюльское утро горѣло на росистой травѣ всѣми цвѣтами радуги. Спокойно и привѣтно, какъ всегда, пламенѣло въ лазури солнце, улыбаясь зеленымъ полямъ, пригоркамъ и лощинамъ, кое-гдѣ поросшимъ мелкимъ кустарникомъ. Виднѣлись на небосклонѣ двѣ-три золотистыя тучки, не спѣша, медленно плывущія вдаль, чуждыя земнымъ радостямъ и печалямъ. Словомъ лѣтняя природа въ полномъ, пышномъ расцвѣтѣ, такая прекрасная и равнодушная, вся осыпанная брилліантами, изумрудами и сапфирами, одѣтая въ драгоцѣннѣйшія ткани изъ червоннаго золота, льющагося въ живительныхъ, искрометныхъ потокахъ солнечныхъ лучей, сладостно нѣжилась въ свѣтѣ и теплѣ и словно хотѣла лѣниво промолвить нашей грѣшной землѣ и вѣчно враждующимъ между собою людямъ:

— Оставьте! Какъ вамъ не стыдно? Взгляните на меня: неужели Божій міръ для васъ малъ, а его дивныхъ красотъ не хватаетъ, чтобы успокоить и смягчить человѣческое сердце?

И словно въ отвѣтъ на этотъ нѣмой, но ясный и понятный душѣ вопросъ, за однимъ изъ ближайшихъ пригорковъ, поросшихъ густой, зеленой травой, послышались слова тихой рѣчи.

— А что, братцы, и сегодня, пожалуй, не увидимъ этихъ проклятыхъ нѣмцевъ? Второй день стоимъ на посту—и ни синь-пороха! Извѣстно, что врагъ тутъ, поблизости, посмотрѣть на него желательно—смерть! Хоть бы однимъ глазкомъ!.. Да и русской пулей можно бы продырявить нѣмецкую шкуру: изъ насъ четверыхъ, чай, никто охулки на руку не положитъ?

— Эхъ, пикъ-то вотъ у насъ съ собой, друзей-пріятелей казацкихъ, нѣтъ — перебилъ другой голосъ, погрубѣе — съ превеликимъ удовольствіемъ вздѣлъ бы я на свою пику троечку этихъ разбойниковъ, растревожившихъ безвинно всю нашу матушку-Россію!..

— Оно, дѣйствительно, отъ эдакого удовольствія и мы бы всѣ не отказались, да только вотъ не то, что пикой, и пулей проклятаго нѣмца не достанешь! Ни одного не видать, словно сквозь землю провалились! Э-эхъ!

Проговорившій послѣднюю фразу казакъ

Утомленные лошади уже не могли летѣть, словно на крыльяхъ, а полученныя раны все сильнѣе и сильнѣе давали себя чувствовать героямъ.

Вдобавокъ стало очень прохладно. Погода сразу испортилась: надъ зеленѣющими холмами, лугами и ложбинами повѣялъ острой струйкой леденящій вѣтерокъ, спутникъ дальнихъ тухъ, надвигавшихся черною, сплошною грядой.

— Должно, градъ будетъ, ежась на сѣдлѣ отъ холода, подумалъ вслухъ Кузьма Крючковъ—что-то сильно прохладно стало, а можетъ, и крови много изъ меня эти нѣмецкія разбойники выпустили...

— Такъ, надо полагать, и есть!—подтвердилъ тоже весь израненый Астаховъ, едва держась на своей лошади—меня тоже порядочно попортили... холодновато! За то сейчасъ только жарко было!

— На что жарче!—усмѣхнулся Крючковъ, мотая рукой съ обезображенными нѣмецкимъ палашомъ пальцами—только одно утѣшеніе и есть: намъ прохладно, да есть надежда—согрѣться дома, а тѣмъ чертямъ, которыхъ мы сейчасъ уложили спать, имъ

такъ холодно, что никогда и не согрѣются! Брр! Прямо—замерзаю... и ослабъ—того гляди—съ лошади сползу!..

Астаховъ молчалъ и пристально вгляды-вался вдаль по дорогѣ, гдѣ показалось какое-то темное пятно.

— Стой, Крючковъ! Никакъ крестьянская телѣга, благодареніе Богу! Авось, довезутъ насъ до своихъ, а то у меня ужъ въ глазахъ потемнѣло!..

— Она и есть! Кричи!!

Израненные, истекающіе кровью казаки изъ всѣхъ силъ ,сколько ихъ осталось въ молодецкой груди, стали звать крестьянъ на помощь.

Къ счастью телѣга оказалась, дѣйствительно, крестьянской. Еле живыхъ героевъ-казаковъ осторожно сняли съ лошадей, положили на подводу и медленно, стараясь не тревожить ранъ, повезли по направленію къ ихъ сотнѣ, которая теперь уже была невдалекѣ..

Кончился безпримѣрный по смѣлости подвигъ русскихъ витязей, рѣшившихся помѣряться съ непріятелемъ въ семь разъ сильнѣйшимъ ихъ и побѣдившихъ его въ

досадливо махнулъ рукой и сплюнулъ далеко на сторону, съ явнымъ неудовольствіемъ и презрѣніемъ къ старательно прятавшемуся отъ нашихъ войскъ непріятелю.

На передовомъ посту, высланномъ впередъ нашей казацкой сотней, стало тихо. Только изрѣдка слышалось опасливое фырканье лошадей въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пятерыхъ спѣшившихся казаковъ, то и дѣло выглядывавшихъ изъ-за пригорка, въ надеждѣ увидѣть врага.

Вотъ—снова одинъ изъ казаковъ осторожно посмотрѣлъ вдаль, ярко-изумрудную внизу на поляхъ и бездонно-синюю тамъ, гдѣ она сливалась съ горизонтомъ, и вдругъ, затаивши дыханіе, обернулся къ товарищамъ и махнулъ рукой.

Остальные четверо казаковъ, словно въ одно время пронизанные электрическимъ токомъ, встрепенулись и задыхаясь, прошептали:

— Что, Крючковъ, видишь? Неужто нѣмцы?!

Казакъ, котораго товарищи назвали Крючковымъ, истово, широко перекрестился.

— Слава Тебѣ Господи! Они--самые, окаянные! Въ первый разъ вижу! Дай Богъ въ доб-

рый часъ!! Кажись, разъѣздъ ихъ конный... Уланы!.. Ухъ, сердце разгорѣлось! Такъ бы вотъ голыми руками цѣлый десятокъ ихъ съ лошадей постаскивалъ,—да передушилъ!!

Четверо товарищей Крючкова ничего не могли отвѣтить отъ волненія, но по ихъ лицамъ, по всѣмъ ихъ, сразу словно ощетинившимся и встряхнувшимся фигурамъ, видно было, что и каждый изъ нихъ не прочь былъ бы, если и не по десятку, то по вѣрному пятку, придушить ненавистныхъ непріятелей голыми руками.

Всѣ казаки всползли на пригорокъ и дѣлали наблюденія.

— А порядочно, братцы, собралось нѣмецкой колбасы — шепталъ крайній слѣва казакъ —русскому человѣку съ фунтъ сосисекъ потянетъ, ежели хорошенько принатужиться да закусить!..

— Облопаешься, парень! Гляди ихъ сколько! Одинъ... два... три... пять... двѣнадцать... девятнадцать... двадцать четыре... двадцать семь!! Вишь ты, съ пиками тоже, на манеръ нашего!.. Только, надо полагать, пика у нихъ послабѣе россійской, казацкой.

— Ну, нечего лясы точить! — серьезно и хмуро перебилъ товарищей казакъ Кузьма

Крючковъ—маршъ, ребята, внизъ, да одинъ изъ насъ пусть скачетъ къ сотнѣ съ донесеніемъ: «объявилась-де нѣмецкая колбаса, въ достаточномъ количествѣ! Слава Тебѣ Господи!! А, впрочемъ, невелика закуска! На сотню казаковъ это, можно сказать — только облизнуться! Эхъ, пикъ-то у насъ нѣтъ, мы бы сами ихъ слопали за первый сортъ! Ну, сыпь, братцы, кто-нибудь съ донесеніемъ!

Пятеро казаковъ на минутку замялись. Ясно было, что несмотря на очевидную страшную опасность,—безъ пикъ, съ одними ружьями и шашками встрѣтиться съ превосходнымъ по силамъ, непріятелемъ — никому не хотѣлось уѣзжать назадъ къ своей сотнѣ.

Но служба и долгъ прежде всего.

Черезъ два-три мгновенія одинъ изъ казаковъ взметнулся на сѣдло и маршъ-маршемъ направился къ русскимъ войскамъ.

Хотя нѣмецкіе уланы и были довольно далеко, однако, несомнѣнно, должны были замѣтить всадника. А разъ замѣтили, значить, пойдутъ на развѣдки, имѣя значительную силу — двадцать семь человѣкъ съ офицеромъ.

Четверо нашихъ оставшихся на посту

казаковъ: Кузьма Крючковъ, Астаховъ, Иванковъ и Щегольковъ поняли, что столкновенія съ нѣмцами едва ли возможно избѣжать. Вся надежда на спасеніе заключалась для казаковъ въ быстротѣ лошдей, при отступленіи передъ непріятельскимъ разъѣздомъ. Разсудокъ и чувство самосохраненія говорили, что объ открытомъ боѣ—не могло быть и рѣчи.

Однако военный совѣтъ четверыхъ казаковъ закончился нѣсколько иначе. Впрочемъ, и весь то совѣтъ состоялъ при двухъ-трехъ фразъ, пересыпанныхъ крѣпкими словами такъ густо, что ни одинъ нѣмецкій животъ не выдержалъ бы: давно извѣстно, что русскому здорово—то нѣмцу смерть!

Едва ускакалъ казакъ, посланный къ сотнѣ, Кузьма Крючковъ, молча поглядѣлъ на товарищей, а потомъ спѣшно началъ сѣдлать лошадь, хмуро бросивши короткую фразу:

— Нѣмцы, каторжные, обязательно насъ накроютъ! Удирать придется! А русскому казаку удирать отъ непріятеля никакъ невозможно. Такъ, ребята?

Астаховъ, Щегольковъ и Иванковъ съ воодушевленіемъ кивнули головой товарищу, въ знакъ твердаго согласія и тоже начали сѣдлать лошадей.

— Стало быть, братцы—закончилъ свою краткую, но обстоятельную рѣчь Кузьма Крючковъ—приходится намъ перевѣдаться съ нѣмецкими сосиськами! Объѣдемъ мы ихъ тихонько по ложбинѣ во флангъ, а то и съ тылу —да ударимъ на нихъ, чертей, вчетверомъ, по-казацки, такъ, чтобы небу стало жарко! Первое дѣло—отъ казацкаго крику, извѣстно-листъ на деревѣ падаетъ! Испугаются, окаянные!.. Второе дѣло—верстъ съ пятокъ, или ближе, еще нашихъ шестеро казаковъ на посту. Вотъ и подмога! А вдесятеромъ-то не то что двадцать семь—полсотни нѣмецкимъ улановъ не страшны нашему брату! Такъ то, ребятки! Маршъ, съ Богомъ!!

Крючковъ вскочилъ на сѣдло и осторожно затрусилъ по ложбинкѣ, объѣзжая непріятельскій разъѣздъ.

Трое товарищей слѣдовали за нимъ, сжимая въ рукахъ заряженныя винтовки.

Минутъ черезъ десять Кузьма Крючковъ выглянулъ изъ-за пригорка, поднявшись на стременахъ и остановился.

— Ну, братцы, помогъ намъ Господь! Заѣхали нѣмцамъ въ тылъ! Сотворимъ краткую молитву, обнимемся по-братски,—въ по-

слѣдній, можетъ, разъ и—въ аттаку!.. Ори крѣпче, что есть духу!! Нѣмецъ—человѣкъ степенный—крику не уважаетъ!

Четверо казаковъ сняли шапки и, широко крестясь, взглянули въ бездонное синее небо, горѣвшее червоннымъ золотомъ іюльскихъ лучей, словно вкрапленнымъ въ синюю эмаль.

— Помогай Богъ! За вѣру, Царя и Отечество! Ур-ра!! заоралъ во всю мочь здоровенныхъ легкихъ Крючковъ, вылетая на пригорокъ на своемъ великолѣпномъ казацкомъ скакунѣ.

— Ур-ра! Урра-а-а!! Ухъ!! ай-ай-ай!.. дикимъ стономъ понеслись сзади Кузьмы Крючкова неистовые крики его «резерва».

Аттака четверыхъ русскихъ казаковъ, безъ пикъ, противъ двадцати семи великолѣпно вооруженныхъ нѣмецкихъ уланъ началась.

Обиженная ни за что, ни про что врагомъ наша родина, матушка-Россія, могла бы полюбоваться въ эти мгновенія на своихъ беззавѣтно-храбрыхъ сыновъ и сказать съ облегченіемъ:

— Благодареніе Господу! Я могу быть спокойна! Живъ русскій могучій духъ, жива

православная вѣра и, какъ сталь крѣпка, любовь русскаго человѣка къ престолу родныхъ Царей и Отечеству! И нѣтъ силы въ мірѣ, которая могла бы меня одолѣть!!

Но на зеленѣющихъ поляхъ и лугахъ не было никого, и никто не видѣлъ изумительнаго, небывалаго подвига четверыхъ русскихъ богатырей!

Только нѣмцы-уланы со страхомъ обернулись назадъ и видя передъ собой группу несущихся на лошадяхъ казаковъ, взявшихся неизвѣстно откуда, словно изъ подъ земли, и гикающихъ такъ, что вокругъ стонала земля—дѣйствительно, перепугались на смерть и сразу бросились на утекъ!

Конечно, нѣмецкій офицеръ, какъ и приличествуетъ начальнику, ударившій впереди своего отряда, и допустить не могъ мысли, что его «аттакуютъ» четверо русскихъ безумныхъ смѣльчаковъ, у которыхъ сзади нѣтъ ничего—кромѣ пустыхъ полей да чистаго неба!!

Казаки Крючковъ, Щегольковъ, Астаховъ и Иванковъ вихремъ неслись на своихъ лошадкахъ, почти разостлавшихся по землѣ и орали во всю мочь, какъ оглашенные.

Непріятель скакалъ въ паническомъ ужасѣ впередъ и даже не оглядывался, опасаясь увидѣлъ цѣлую тучу коннаго русскаго войска.

Больше девяти верстъ продолжалась эта сумасшедшая скачка, пока у нѣмцевъ не оказалось передъ глазами болото.

Пришлось волей-неволей остановиться. Оглянулись.

— Что за дивное диво?! Лупятъ на лошадяхъ все тѣ же четверо казаковъ—и никого больше кругомъ!

Нѣмцы опомнились. Спѣшившись, открыли пальбу по приближающемуся, «многочисленному» непріятелю, очевидно, не рѣшаясь встрѣтиться съ нимъ грудь съ грудью.

— Стопъ, ребята! Долой съ коней!—скомандовалъ Крючковъ своимъ товарищамъ — жарь изъ винтовокъ по этимъ нѣмецкимъ дьяволамъ, безъ промаха, по казацки!

Мигомъ скатились четыре казака съ сѣделъ и начали «жарить» въ нѣмецкихъ «дьяволовъ».

Засвистѣли непріятельскія пули, защелкали одиночные выстрѣлы русскаго «аттакующаго» отряда.

Однако маленькая стычка не разыгралась въ «жаркое дѣло».

Къ удивленію казаковъ, оставшихся послѣ нѣмецкой стрѣльбы живыми и невредимыми, уланы скоро опять вскочили на лошадей и пустились удирать.

Крючковъ первый разглядѣлъ, въ чемъ дѣло.

— Ребята! Ура! Побѣда!! Четыремъ нѣмецкимъ сосискамъ жизнь прикончили! Гляди—четыре лошади безъ улановъ по полю бѣгутъ!.. Ежели нѣмцы такъ почаще будутъ останавливаться, врядъ ли изъ нихъ кто вернется домой свой супъ кушать! Жарь опять за ними! На коней!!.. Ур-р-ра!!

— Ур-ра Урра-а-а... ай-ай!... а-а!!

Четверо русскихъ казаковъ снова вскочили вихремъ на коней и помчались за непріятелямъ, удиравшимъ во всѣ лопатки, очевидно, въ надеждѣ скрыться или заманить подальше русскихъ смѣльчаковъ.

Въ время скачки Крючковъ малость перевелъ духъ и крикнулъ товарищамъ:

— Жги горячѣй, братцы! Видно, наши съ поста ушли! придется однимъ раздѣлываться, съ Божьей помощью! Не выдавай-ай-ай!... Ур-ра!!

Нѣмцамъ на дорогѣ попалась довольно глу-

бокая лощина, они мигомъ перескочили ее и когда казаки были на самомъ ея днѣ, остановились на гребнѣ, вверху надъ ними.

— Долой съ коней! За винтовки!! Дырки нѣмцамъ въ брюхѣ дѣлать! — заоралъ, какъ оглашенный, Крючковъ, горошкомъ скатываясь на землю съ лошади.

Однако, на этотъ разъ не пришлось русскимъ удальцамъ дѣлать безнаказанно дырки въ нѣмецкой шкурѣ!

Непріятельскіе уланы, пользуясь выгодой своего положенія, рѣшили стремительно напасть на казаковъ сверху, всей плотною массой и понеслись сами въ аттаку внизъ, плечомъ къ плечу.

Двадцать три и четыре!

Разница въ нашихъ и непріятельскихъ силахъ была настолько значительна, что, конечно, принять аттаку нѣмцевъ, явно оправившихся отъ испуга, было совершенно невозможно. Казалось, нѣмцы своей сплошной, желѣзной стѣной, со сверкавшими палашами и ощетинившимися пиками, должны смять, раздавить до смѣшного маленькую горсточку русскихъ героевъ.

Но невозможное для кого-нибудь другого,

возможно для русскаго казака, грудью защищающаго Родину!

Кузьма Крючковъ, понявши намѣреніе непріятеля, обратился съ вопросомъ къ товарищамъ:

— Примемъ аттаку непріятеля, ребята, съ винтовками?

— Примемъ!!—какъ эхо, отозвались Иванковъ, Астаховъ и Щегольковъ.

Казаки взлетѣли на сѣдла, выхватили шашки и приготовились «принять» недруговъ.

А нѣмецкіе уланы катились съ пригорка стремительной лавиной, съ криками «hoh!» (гохъ!!), твердо увѣренные, что мгновенно сомнутъ, изотрутъ въ порошокъ четверыхъ удальцовъ-казаковъ, еще вдобавокъ лишенныхъ самаго главнаго ихъ излюбленнаго оружія—пикъ!

— Чортъ ихъ знаетъ, чего это они орутъ!—усмѣхнулъ Астаховъ, спокойно поправляясь въ сѣдлѣ—кажись, кричать: «охъ»! Чего жъ имъ, дьяволамъ, охать, когда мы ни одной дыры сдѣлать въ ихъ шкурѣ не успѣли?!

Всѣ казаки усмѣхнулись, а Кузьма Крючковъ, зорко вглядываясь въ нѣмцевъ,

чтобы во время увернуться отъ ихъ сокрушительнаго удара, рѣшилъ:

— Охаютъ они, братцы, потому, что знаютъ русскаго казака, а не знаютъ, такъ слышали о немъ! А слухъ такой, что казакъ—либо самъ мертвымъ ляжетъ, либо не одного врага въ живыхъ не оставитъ! Дер-ржись, ребятушки! Э-эхъ! Ур-ра!!

За нѣсколько шаговъ до нѣмцевъ, тяжело и грузно скакавшихъ на своихъ лошадяхъ, наши казаки молніей сверкнули въ сторону и избѣжали страшнаго удара.

Еще мгновеніе — и началась отчаянная схватка!

Нѣмецкій офицеръ, командиръ разъѣзда уланъ, напалъ первый на казака Иванкова. Блеснулъ острый палашъ и... офицеръ—убитый пулей наповалъ въ сердце, тихо склонился на гриву своей лошади.

На помощь Иванкову подоспѣлъ Астаховъ, выстрѣлившій, почти въ упоръ изъ винтовки, пуля прошла навылетъ голову лошади и поразила нѣмца въ грудь.

Остальные уланы, раздѣлившись на кучки, напали на смѣльчаковъ, работавшихъ шашками и прикладами ружей съ изумительною мѣткостью и силой.

На Астахова и Иванкова сразу насѣли шестеро нѣмцевъ, на Щеголькова—семеро, на одного Кузьму Крючкова—одиннадцать человѣкъ!

Кузьма, словно заматерѣлый волкъ сверкалъ огненными глазами изъ-подъ насупленныхъ гнѣвно бровей и отбивался шашкой. Вотъ—нѣмецкій унтеръ, заскакавшій сбоку, нанесъ страшный ударъ русскому казаку. Казалось, палашъ разрубитъ героя надвое. Но Крючковъ во время уклонился отъ палаша, отбилъ лезвее, сверкавшее ярко въ солнечныхъ лучахъ, и только почувствовалъ, что непріятельскій палашъ поранилъ, а, можетъ, и вовсе отрубилъ два пальца на рукѣ, державшей шашку.

Сейчасъ же вслѣдъ затѣмъ, Крючковъ услышылъ острую боль въ боку—нѣмецкій уланъ кольнулъ его пикой.

— Шашкой ничего не подѣлаешь!—сообразилъ русскій богатырь, — надо пику ихнюю раздобыть—показать какъ ею работаютъ на войнѣ казаки!..

Блеснула мигомъ вложенная въ ножны казацкая, широкая шашка, метнулась заплечами взброшенная винтовка на ремнѣ, и

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Крючковъ, крѣпко стиснувши зубы, напрягши всю силу своихъ могучихъ, москулистыхъ рукъ, ухватился за конецъ пики ближайшаго нѣмецкаго улана...

Тотъ покачнулся въ сѣдлѣ... разъ... другой!.. Попытался вырвать оружіе но, оно словно схваченное стальными клещами, вырвалось изъ рукъ у самого врага и мгновенно обращенное противъ него же—насквозь прокололо ошалѣвшаго отъ страха и неожиданности улана!

Кузьма Крючковъ почувствовалъ, что съ роднымъ оружіемъ въ рукахъ—у него вдесятеро прибавилось силы.

Вихремъ, словно волчокъ, съ чисто казацкой ловкостью и увертливостью, завертѣлся онъ въ кучкѣ ненавистныхъ нѣмцевъ.

Упалъ еще одинъ съ лошади... Склонились вслѣдъ за нимъ еще двое на крупъ своихъ скакуновъ, съ помертвѣвшимъ взглядомъ, со смертельными ранами, нанесенными своей же, нѣмецкой пикой, счастливо попавшейся въ руки русскаго богатыря!..

Еще одна жертва... еще!!..

Весь въ крови, съ ногъ до головы, Крючковъ, израненный неумѣлыми уколами нѣ-

мецкихъ пикъ, клалъ непріятеля одного за другимъ.

Нѣмцы буквально ошалѣли отъ ужаса передъ невиданной работой оружія, которымъ и они долго учились владѣть.

Ошалѣли, упустили нѣсколько мгновеній, какъ говорятъ по-русски—разинули рты—и погибли всѣ до одного!

Крючковъ въ лоскъ уложилъ своихъ враговъ. Одиннадцати нѣмецкихъ уланъ, какъ не бываго на свѣтѣ!

Даже стонали отъ ранъ всего двое или трое. Остальныхъ нѣмецкая пика въ рукахъ русскаго удальца-казака уложила въ лоскъ, такъ, что они и крикнуть не успѣли.

Крючковъ, увидѣвши, что справился со своей «порціей» нѣмецкихъ сосисекъ, поспѣшилъ на помощь товарищамъ, но тѣмъ и помогать было нечего.

Астаховъ и Иванковъ быстро справились съ шестерыми нѣмцами, уже успѣвшими покончить отъ казацкой шашки свое земное странствованіе.

Щегольковъ--уложилъ четверыхъ, а остальные трое, уцѣлѣвшихъ уланъ, увидѣвши, что на нихъ хотятъ насѣсть сразу четыре казака,

одолѣвшіе всѣхъ ихъ товарищей, въ неописуемомъ ужасѣ ударились въ паническое бѣгство.

Преслѣдовать непріятеля у нашихъ героевъ, тоже сплошь израненыхъ и истекавшихъ кровью, конечно, не было ни силъ, ни возможности.

Крючковъ обратился къ ближайшему казаку Астахову:

— Ну, братъ, такъ Господь намъ помогъ, что лучше не надо. Вчетверомъ—двадцать четыре нѣмецкихъ горячихъ колбасы приготовили!! Вотъ это по-нашему, по-казацки! Слава Тебѣ Господи!

Крючковъ снялъ шапку, истово, широко перекрестился и зычно, несмотря на ослабѣвающія ежесекундно силы, крикнулъ:

— Теперь, ребята, ай-да къ нашей сотнѣ, назадъ, чиниться отъ нѣмецкихъ царапинъ! Тоже пики въ рукахъ держутъ!.. Такихъ непріятелей на одну нашу сотню—тысячи двѣ—мало будетъ! Ну, маршъ домой!!

Астаховъ и Крючковъ первые покинули поле недавней славной битвы.

Вдалекѣ скакали, сильно отставши, Иванковъ и Щегольковъ.

этой сказачной, по истинѣ невѣроятной, борьбѣ!

Велики и неисчерпаемы силы русскаго человѣка, вставшаго грудью на защиту Родины.

Не одолѣть его врагамъ—ни пушками, ни штыками, ни пиками, ни саблями.

Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ!

Николай Каменскій.

Петровское Разумовское, 1914 г. Августъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Цѣна 10 коп.

Книгоиздательство о военныхъ событіяхъ.
Москва, Плющиха, д. 9, кв. 18.
1914.